

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 10

(1936)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1957

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Роман Пэрл Бак „Земля“ в свете китайской критики.

Нашумевший роман «Земля» (Good earth), который вернее было бы по-русски перевести «Мать-земля», принадлежащий молодой американской писательнице Пэрл Бак (Pearl Buck), в достаточной мере получил критическое освещение и в европейской литературе и у нас в Советском Союзе, где он пользуется широкой известностью. Поскольку этот роман целиком построен на материалах китайской жизни, он естественно привлек внимание также и наших китайцев, причем мы имеем большую рецензию, написанную акад. В. М. Алексеевым и напечатанную в «Библиографии Востока», № 5—6, стр. 137—143. Можно было бы а priori утверждать, что этот, ставший повсюду известным, роман получит характеристику и в самом Китае, а такая характеристика для нас является оценкой первостепенной важности.

Действительно, в сентябрьском номере китайского журнала «Литература» — «Вэнь-сяо»¹ появилась большая критическая статья Мын Линя (孟林) под названием «Земля» (大地), посвященная разбору романа Пэрл Бак, который переведен на китайский язык Ху Чжун-чи (胡仲持) и выпущен шанхайским издательством «Кай-мин». Имя и фамилия американской писательницы китаизированы, и китайский читатель знает ее под китайским именем Сай Чжэнь-чжу (賽珍珠), в котором слово «Сай» — является, по видимому, китайской фамилией писательницы, а слово «чжэнь-чжу», жемчуг, адекватно английскому «pearl».

«Пэрл Бак, — начинает свою статью Мын Линь, — своим романом о китайской деревне не только добилась высо-

кой денежной премии, сделавшей ее богатой женщиной, но и утвердила свое положение писательницы, по общему признанию наиболее компетентной в изображении души китайского народа».

«Мы не знаем, как расценивают ее читатели Америки и Европы, но что касается китайских читателей, то их, в отношении книги „Земля“, занимают два вопроса: во-первых, как рассматривает китайскую деревню эта писательница, двадцать-тридцать лет прожившая в Китае, и насколько реально отражены под ее пером жизнь китайского крестьянства и условия, вызывающие эту жизнь; во-вторых, в чем причина колоссального успеха этой книги у американских и европейских читателей — в ее творческом мастерстве, или же в чем ином?»

Изложив далее общее содержание романа, Мын Линь отмечает обилие вставных эпизодов этнографического характера, в описании которых он признает хорошее знакомство писательницы с деталями китайской жизни.

«Наводнение, засуха, бандитизм, свадебные, родильные, погребальные обряды, сев, жатва, жизнь нищих, семейная жизнь, опекуренное, тяжелое положение женщин, торговля людьми, институт наложниц... в описании всего этого автор выступает не как сухой этнограф и не как поверхностный турист. Правда, эти описания с точки зрения художественного творчества не приносят ценности, но они привлекают иностранного читателя новизной — и в этом одна из причин успеха романа».

Однако Мын Линь тут же отмечает, что положительные качества романа и его успех обеспечены, кроме этнографичности, и другими причинами, которых он находит две, а именно: тем чувством любви к земле, которым пронизана вся

¹ 文學, 1935 г., сентябрь, стр. 557—566.

книга, олицетворяющая ее в художественных образах и прежде всего в центральной фигуре романа, в крестьянине Ван Луне, и во-вторых — в правдивом описании трагической судьбы китайской женщины под железной пятой феодальной деревни, в лице А-лань, жены Ван Луна. Именно эти мотивы, действительно художественно отраженные в романе, создают еще одну причину успеха книги.

Мын Линь добавляет при этом, что этот успех книги привлек внимание американских дельцов, которые, решив превратить ее в кинофильм, прибыли в Китай и уже производят декоративную съемку. Мын Линь пытается дать совет этим американским продюсерам, от лица китайской общественности, взять в основу именно эти два основных звена книги и меньше увлекаться внешними деталями, особенно отрицательных сторон китайской жизни, так как с его точки зрения детали эти, может быть, и покажутся забавными американскому и европейскому зрителю, однако же центр тяжести книги лежит отнюдь не в этом.

Отметив все положительные, с его точки зрения, стороны романа, Мын Линь переходит к рассмотрению отрицательных моментов, которые в общем сводятся к факту социальной сущности самой Пэрл Бак, являющейся миссионеркой.

Именно то обстоятельство, что Пэрл Бак христианка, утверждает Мын Линь, мешает ей понимать китайскую деревню и китайское общество. В качестве примеров этого непонимания Мын Линь приводит следующие факты.

«Во-первых — автор совершенно не разбирается в экономических условиях китайской деревни. Судя по описанию, время действия того эпизода в романе, когда Ван Лун женится, отстоит на

40 лет от современности. В то время в деревне еще не были в обращении иностранные деньги, а Ван Лун с женой умудряются собрать целую кучу этих иностранных денег! Райская жизнь крестьян при феодальной эксплуатации, воспевание красоты труда и земли крестьян в феодальных условиях — отдает религиозным запахом!

«Во-вторых, вследствие этого же автор не может объективно отобразить жизнь бедного крестьянства. И вот мы видим, что бедняк Ван Лун с женой сначала трудом зарабатывают кучу денег и покупают землю, а едва только они лишаются всего, благодаря стихийному бедствию (именно от неба зло, а не от человека), автор немедленно снабжает их неожиданно золотом (а золотая монета в Китае — неслыханная вещь) и превращает в помещиков.

«Мы не видим здесь того гнета феодализма, который висит над крестьянином-бедняком, и все несчастья изображаются как стихийные бедствия, но и эти бедствия счастливо преодолеваются.

«Автор с самого начала решила написать историю, усложненную вставками; она не могла и не умела дать драматический конец, неизбежный для бедняка. Такое нарочитое приукрашение мы видим хотя бы в следующих эпизодах: во-первых, автор рассматривает „бандитов“, как объединение бездельников и не может указать их общественной обусловленности; во-вторых, сосед Ван Лун'а — Цзинь — становится его старшим работником (кстати причина этого — тоже стихийное бедствие), причем эта связь базируется на каких-то личных чувствах благодарности, и совершенно не видно основной связи — хозяина и работника. Автор живописует теплые чувства хозяина к своему работнику, но он не в силах объективно объяснить явление.

«Так, под пером писательницы любовь крестьян к земле рождается из золотых снов об урожае, и она скользит мимо основных причин...

«В третьих, в этой книге не существует даже тени империализма, пьющего пот и кровь китайской деревни.

«А между тем в течение всей жизни герой романа, Ван Лун, вовлеченный в круг стольких событий, не мог не столкнуться с фактами империалистического нажима. Между тем автор высказывает мысли прямо противоположные реальным фактам, подменяя мастерство и правду художника миссионерскими рассуждениями.

«Интересно то, что в этой книге, автором которой является миссионерка, нигде нельзя найти ни той реакции, которая существует в китайской деревне как ответ на работу христианских миссионеров, ни отношения автора к этому вопросу. Как известно, начиная с 1900 г. влияние христианских церквей внутри Китая с каждым днем росло, и повсюду наблюдались столкновения крестьянства с церквами, христиан с не-христианами. Это все должно было быть очень знакомым по опыту автору романа, однако ее перо не касается этого вопроса. Мне кажется, что это происходит потому, что реальное, действительное положение не отвечает ее христианской позиции миссионерки, и у нее не хватило смелости коснуться этой темы.

«Автор прекрасно понимал, что нет ничего общего между христианством и душой китайских масс.

«В четвертых, в этой книге не только не отображены те усилия, которые делал за последние несколько десятков лет китайский народ ради своего освобождения, но даже нет намека на образное изображение этого. Единственное место в романе, затрагивающее эту тему, —

эпизод с Ван Луном, когда, будучи рикшей, он добывает от пропагандиста, обращающегося к толпе, плакат, который он по возвращении домой передает жене как материал для туфельных стелек. Исторические потрясения за эти несколько лет, их истоки и выражение, усилия и трагедия — не отразились в этой книге. Мы можем предполагать, что автор имеет свои взгляды на это, но мы не можем признать, что автор в отношении освободительной борьбы Китая не имеет никаких принципиальных точек зрения; а ее точка зрения совершенно ясно видна из вышеприведенного эпизода с агитатором.

«Нам известно, что автор сказала: „Все так называемые китайские патриоты не могут ничего выдумать для улучшения жизни народа. Напротив, они прикрывают бедность и невежество народа — и это их вина перед страной, а не любовь к ней“ (см. статью Ху Чжун-чи: «Пэрл Бак, автор „Земли“ снова в Китае»). Мне кажется, что „патриотов, любящих прикрывать бедность и невежество“, в Китае действительно не мало, и ее совет имеет смысл.

«Однако вопрос заключается не только в „прикрывании“ или „не прикрывании“ — прежде всего необходимо настоящее знакомство с положением вещей. Ведь если одним только воображением осознавать „бедность и невежество“, но при этом не находить истоков явления, то в объяснении не избежать будет ошибок и неправильностей, а в творчестве, в искусстве, не постичь истины. С этой точки зрения роман „Земля“ хотя несколько и повысил понимание Китая американскими и европейскими читателями, однако в то же время повысил и их ошибочное суждение о Китае.

«Этот роман в сфере искусства не должен слишком переоцениваться кри-

тикой — это очевидно, но очевидно и другое, что этот роман не будет широко приветствоваться китайским читателем, который не найдет в этом романе тех ощущений, которые вызываются в иностранных странах».

Таким образом мы видим в этой китайской рецензии скорее отрицательную, чем положительную характеристику романа «Земля». Это вовсе не означает, конечно, что данная рецензия является рупором всего общественного мнения Китая, так как в рецензии акад. В. М. Алексеева мы находим цитаты другого китайского критика, весьма положительно отзывающегося о романе Пэрл Бак. Однако мы обязаны выслушать и другую сторону китайской общественности, с которой нельзя не считаться, так как журнал «Вэнь-сйо», в котором помещена рецензия Мын Линя, является представителем литературного направления широких слоев мелкобуржуазной и революционной национальной интеллигенции.

Мне кажется, что из чтения китайских отзывов на книгу П. Бак, совершенно ясно одно, а именно: данный роман в конечном результате написан для европейского, а не китайского читателя, он не обладает обоюдоострым качеством, равным и для китайского и для не-китайского читателя. Сама форма, сама композиция этого произведения в переводе на китайский теряют свой смысл, а остающееся содержание, конечно, не является художественным откровением для китайского читателя, не говоря уже о тех упреках по существу содержания, которые отмечены вышеприведенным китайским рецензентом. Отсюда напрашивается вывод о несовпадении оценок по поводу этого романа в Китае и вне его, пример чего мы видели в данной рецензии Мын Линя.

19 X 1935

Б. Васильев.

語文論戰的現階段

Сборник материалов по языковой дискуссии в Китае. Шанхай, 1935, Изд-во Тяньма (Пегас), стр. 305.

Одним из примечательнейших явлений в культурно-политической жизни Китая последних лет была широко развернувшаяся в 1934 г. и с небольшим перерывом продолжавшаяся и в 1935 г. очень оживленная дискуссия по вопросам китайского языка и письменности.

Дискуссия эта представляет для китайца, да и не только для китайца, чрезвычайно большой интерес. И хотя поднятые в ней вопросы уже не впервые являются предметом ожесточенных споров и политической борьбы, однако сам характер развернувшейся полемики, форма, в которой ставились и обсуждались наиболее острые вопросы китайской языковой действительности, резко выделяют дискуссию 1934/35 г. из всех предшествующих споров по тем же вопросам и приковывают к ней пристальное внимание китайца-лингвиста в первую очередь.

Специфический характер дискуссии 1934/35 гг. всецело определяется социально-политической обстановкой, сложившейся к этому времени в Китае, и в этом отношении чрезвычайно полезно провести некоторую параллель с периодом так называемой литературной революции (1919 г.). Как известно, движение за литературную революцию, приведшее в конечном итоге к утверждению в качестве стандарта литературного письменного языка близких к живой речи языковых форм, было тесно связано с сильным подъемом антиимпериалистического движения в Китае. Аналогично этому и в 1934 г. языковая дискуссия развернулась в условиях мощного подъема антиимпериалистического и антияпонского движения, но уже в значительно более усложнившейся социальной обстановке и